

«И блистают миры впереди...»

> Магнитогорскому поэту Юрию Ильясову – 60

**Ничего не случилось,
Но тогда почему
Мне, скажите на милость,
Хорошо одному?**

Юрий Ильясов

Вспоминаю шестидесятые годы прошлого века. Мы – юные и молодые, «подсевшие» на хрущевскую оттепель, которая довольно быстро прошла, и наши матерые идеологи стали стремительно «закручивать гайки». В городе тогда функционировали, в основном, два литературных объединения: «Красное солнышко» и городское при газете «Магнитогорский рабочий». Позднее возникло литО «Магнит», которое возглавил поэт Юрий Костарев. Были и литературные группы в институтах – тогдашних МГМИ и МГПИ...

Для меня по сей день остается загадкой, почему в нашем сравнительно небольшом и сплошь рабочем городе такая тяга к писательству, литературному творчеству. Да и к культуре вообще. То ли это традиции, заложенные в далеких тридцатых нашими замечательными писателями-земляками Борисом Ручьевым, Михаилом Люгаринным, Людмилой Татьяничей, Ниной Кондратовской, Александром Лозневым. То ли следствие повального напыления маститых советских литераторов на легендарный Магнитострой. Но,

так или иначе, с первых дней строительства комбината и города звонко зазвучали литературные струны Магнитки.

Наше поколение поднялось в то время, когда не ссылали на каторгу и не расстреливали, но все равно наиболее независимых и отважных находили массу способов приструнить. А литературные страсти шестидесятых кипели. Мы старались посещать все литературные объединения: спорили, делились новыми стихами и рассказами, редкими книгами, взахлеб рассказывали о литературных открытиях. В то время Григорий Газизулин, Борис Попов, Юрий Ильясов, Римма Дышаленкова, Юрий Костарев считались в нашей среде бесспорными лидерами – глубоко начитанными и беспристрастными...

Юрий Ильясов писал и пишет стихи неспешно, оттачивая до филигранности строки. Бывали и периоды длительного зстоя в творчестве. В то время я много занимался переводами поэтов наших республик. Поделился опытом: не пишущие свои стихи – ухажу в переводы. Помогает. Он тоже решил попробовать, и я передал ему подстрочники большой

поэмы якутского поэта Рафаэля Багатайского. Спустя довольно длительное время встретил его всего светящегося: перевел! Перевод был просто блестящим, я порадовался за жителей Якутии, которые имели возможность услышать эту поэму по центральному якутскому радио. А потом пошли и свои стихи: плотина извечной писательской хандры была прорвана.

Юрий Ильясов извездил всю страну от края и до края, ибо много лет работал сначала механиком, а затем и начальником рефрижераторного поезда на Южно-Уральской железной дороге. А вообще-то трудовая биография его многогранна. Слесарь на Магнитогорском хлебокомбинате, корреспондент газеты «Калибровщик», корреспондент газеты «За кадры» МГМИ – ныне «Денница», ответственный секретарь газеты «Педагог» МГПИ, оцинковщик в цехе металлических сеток ММЗ...

В 1995 году вышел первый поэтический сборник «Устремление сердца». Он руководит литературной студией МаГУ, является литературным консультантом газеты «Магнитогорский рабочий», членом Союза российских писателей, руко-

водит пресс-службой МаГУ. В 2002 году выходит второй поэтический сборник «Идущий следом», за который он удостоен первой премии литературного конкурса имени К. М. Нефедьева.

Юрий Ильясов – зрелый, самобытный поэт с четким лирическим голосом, владеющий прекрасным, благозвучным литературным языком конца XX века. Его стихи отличаются душевной открытостью, напряженной звенящая мысль. При этом для Ильясова характерно отсутствие подражаний и стремления быть модным: в его стихах почти нет внешних примет времени. Основные творческие темы: благоговение перед женщиной, обязательность в дружбе, жизнестойкость. На протяжении своей творческой жизни Юрий Ильясов является литературным консультантом для молодых, начинающих поэтов и писателей. Благодаря его наставничеству открыты такие имена, как Наталья Карпичева, Ренарт Фасхутдинов, Елена Холодова, которую уже в 17 лет приняли в Союз российских писателей. Юрий Ильясов – член редакционной коллегии книжных серий «Литература Магнитки. Избранное» и «Литература Магнитки. Контекст». С 2007 года он руководит литературным объединением имени Бориса Ручьева при газете «Магнитогорский рабочий».

9 сентября Юрию Федоровичу Ильясову исполняется 60 лет. Это – возраст расцвета творчества, возраст мудрости и богатейшего литературного опыта. Друзья и коллеги поздравляют его с этой знаменательной датой и желают неувядаемого вдохновения ☺

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Устремление сердца

Юрий ИЛЪЯСОВ

Земные зеркала

Там, в небесном трельяже –
тройное твоё отраженье:
Ты – пустой. Ты – святой.
И такой, что предаст за гроши.
И лукаво влекут зеркала, где лица выраженье
Закрывает надёжно любое движенье души.
Вот опять перед зеркалом бедную
совесть неволишь, –
Примеряешь, как шляпу, достоинство,
честность и честь
И безрадостны звезды,
ведь ты перед ними всего лишь
Только тот, кто ты есть.

10 мая 1994

Валерию, другу

«...Бесконечную зиму я прожил
в предчувствии бед,
А настигла беда в середине веселого мая.
И в трамвае табличка,
гласящая «Выхода нет»,
Как последняя капелька – жгучая и болевая.
Брошу пристальный город.
Войду в настороженный лес,
И забродит в стволах и замечется
память о сыне,
И прольется смола у сосны, и от синих небес
Мне навстречу наклонятся
робкие ветви осины.

А в долине, где ветер по-детски
доверчиво-глуп,
Там простое и вечное мне
в лестках открывая,
Шаловливо коснется сухих и горячечных губ
И утешит ромашка – подруга моя полевая.

«Под высокою елью найду я приют
и ночлег...»

Этих строк в голове набросав черновик,
человек

В круговерть городскую, печальный,
шагнул из трамвая
И на небо взглянул, и закрыл,
как от боли, глаза:
Полыхали за городом воля, любовь и гроза,
Щедрым ливнем и лес,
и ромашку его поливая...
май 1972; ноябрь 1990

В. Р.

...Уйти б туда, где свищет соловей!
Но разве сильный спрячется от факта
Несовершенства мира? От инфаркта?
От беспокойной совести своей?

Живет, вопросы ставя на ребро,
Искатель истин в грозном мирозданьи, –
Державный человек, чье состраданье
Стремительно, как сердце и добро.
12 мая 1994

Звучащий пламень

Смотри – их лица еще при жизни –
как бы портреты.
Стихоснабженцы своей Отчизны, а не поэты,
Усердно ищут в мозгах-копилках строке
обнову,
Гуськом выстраивая под копирку
за словом слово.
Зачем гордятся своей подругой –
тугою думой?
Не в строчках дело, и мне порукой
собрат угрюмый:
Он знает нечто, и оттого-то чуть не повесясь,
Он бросил разом стихи и водку
на целый месяц.

А. Прокопову

Ах, как сверкает живое слово,
среди звезд играя!
Где дерзновенный, который снова скользнет
по краю? –

По самой грани любви и света
с кошмаром ночи.
Сияньем звезды, а не монеты закроют очи.

...Ты человеку в утробе века
дай человечность! –
Звеня стрелой, летит с тобою,
пронзая вечность,
Звучащий пламень для будней нудных
земли недужной.
И это – больно. И это – трудно.

Но это – нужно.
8 марта 1994

Лестница в небо (монолог женщины на пирушке в Рождество)

Не знаю облик своего отца.
Воображенье, вспыхивая ало,
Меняло очертание лица...
...Скажи мне, мать, с кем дочку нагуляла? –

Тебя не помнит первый мой причал:
Там бабушка, там дед и я – ребенок.
(А дед любил и на ноге качал,
И называл не Катька, а Котенок.)

Любовь сильней звучала, чем родство,
И елка зажигалась в Рождество,
И откровенье в комнатке витало.
А с боку дома лестница была,
Манила ввысь и точно б увела,
Но в ней одной ступеньки не хватало.

Ушли и дед, и бабка, где окрест –
Куда ни глянь – то звездочка, то крест.
...А человек со мною рядом – кто он?
Глазами мне за блузку зырк, да зырк.
Но я – не я. И мир – огромный цирк,
И ты, мой милый, на арене клоун.

А я – никто. Ты понимаешь, нет?
Совсем никто. Ни имени, ни тела.
Ты гладишь воздух и к тебе в ответ
Не я, а призрак рвется оголтело.

Поймай меня! Скорее свистнет рак...
Ты посмотри – пусты твои объятия.
...А ну отстань! Какой же ты дурак –
Опять, дурак, пролил вино на платье.

Все ложь! И эта пьянка в Рождество,
И с клоуном слепым прелюбодейство.
Да не было в помине ничего!
Ну ничего совсем!...
...Но было детство.

9 марта 1994

Памяти друга детства В. Токарева

Мы поздно, мой друг,
устремилась к добру и любви,
Мы жили в стране,
что вела бесконечную битву,
Не знаю молитву и вновь повторю
как молитву
Ту детскую клятву о дружбе навек –
на крови...

Ты помнишь? – пчела раскрывала нам
тайну цветка,
В причудливых снах расцветало, звеня,
мирозданье.
Но тайна цветка стала вдруг далека-далека,
Когда нас настигло холодное зренье
и знанье –

Несчастлива судьба, коль не творчество,
а ремесло...
А сколько за счастье мы пили! И били посуду
И людям, и черту, и господу богу назло...
– Не надо об этом...
Не буду, дружище, не буду.

И сердце, вздохнув, тяжело ворохнулось
в груди.
От боли и памяти нету надежнее сердца,
Чем снова вернуться к доверию сердца
и детства,

Где друг мой – со мной.
И блистают миры впереди». 10 марта 1994